

A portrait of a woman in 18th-century attire, including a white headscarf with orange ribbons, a brown bodice, and a white skirt. She is holding a silver coffee pot on a tray. The background is a plain, light-colored wall.

Данилова Анна

**РЫЖАЯ ДЕВУШКА С
КОФЕЙНИКОМ**

"Человек, которого я еще вчера
так любила, оказался убийцей..."

Анна Данилова

Рыжая девушка с кофейником

«Издательские решения»

Данилова А.

Рыжая девушка с кофейником / А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833902-8

Экстрасенс Наталия Орехова расследует убийство своей подруги Полины — рыжеволосая красавица была сброшена с крыши. Разве могла Наталия предположить, что ниточка приведет ее на чердак с грудой девичьих тел со вспоротыми животами? Чудовище-хурург — кто он? И кто такая «Рыжая девушка с кофейником»?

ISBN 978-5-44-833902-8

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
ОДИНОКИЙ ПОЛЕТ	6
Глава 2	11
ОЛЕЧКА ПЕРОВА	11
Глава 3	16
МОРОЗОВСКИЕ ЗОМБИ. ДОМ ПОД СНОС И РОЗОВОЕ	16
МАСЛО ДЛЯ ПОЛИНЫ	
Глава 4	24
НОЧНОЙ ЗВОНОК С БАХМЕТЬЕВСКОЙ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рыжая девушка с кофейником

Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

© Анна Данилова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-3902-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ОДИНОКИЙ ПОЛЕТ

Ей снился сон: она идет по пыльной дороге, раздавливая босыми ногами лепестки цветов, сок от которых тут же превращается в кровь, которая густыми ручьями стекает по обе стороны от дороги в невидимый овраг...

Она проснулась от собственного крика. Оглянулась. Была ночь, до утра далеко...

Не зажигая света, она достала из-под подушки написанное накануне письмо, коснулась рукой головы спящего рядом мужчины, провела по волосам, словно прощаясь. Встала, накинула на плечи свой плащ, который черной громадной кошкой свернулся в изножьи кровати, на цыпочках вышла из комнаты и уже через несколько минут стремительно сбегала по лестнице вниз, на холод, в ночь...

– Логинов, я тебя сегодня не отпущу на работу, у тебя температура, во-первых, а во-вторых, сухой кашель...

Наталия, забравшись с ногами в низкое глубокое кресло, смотрела, как Игорь натягивает на себя толстый белый свитер, и злилась на то, что он совершенно не обращает внимание на ее слова.

– Знаешь, тогда иди, раз ты считаешь, что все, что я тебе советую – пустой звук. Больше ты не услышишь от меня ни слова.

Логинов повернулся к ней, задержав взгляд на ее спутанных длинных волосах, сбившихся на одно плечо, и миролюбиво улыбнулся:

– Может, ты и права... Вернее нет, я не то собирался сказать... Ты безусловно права. Но мне надо... Вот освобожусь после обеда и приду, лягу и буду пить все, что только ты мне не дашь... Можешь дать мне даже рыбьего жира...

– От него слепнут. Поэтому я оставлю тебе вот на этом столике лекарства и записку, в которой будет написано, что сколько...

Но она не успела договорить: раздался телефонный звонок.

– Это тебя, – сказала она обреченно, даже не снимая трубки: она привыкла к тому, что ее телефон стал средством связи ее любовника-прокурора с внешним миром. А если точнее, то МИРОМ ПРЕСТУПНИКОВ.

Она наблюдала за тем, как резко меняется выражение лица Игоря, понимая, что никакая сила теперь уже не сможет удержать его дома: опять что-то случилось, очередной труп.

Логинов положил трубку и как-то странно посмотрел на нее:

– Наташа, когда ты последний раз видела Полину?

– Вчера, а что?

– Она живет на Мичуринской, 6?

– Да, а что случилось? Ты же сам все прекрасно знаешь: и где она живет... и вообще она же в последнее время достаточно часто бывала у нас, чтобы ты о чем-либо подобном спрашивал?.. Не молчи...

– Ты сможешь сейчас поехать с нами?

– Что с ней? – побледнела Наталия, которая и так все поняла, но еще надеялась, что это ошибка. «Это не Полина, это не Полина...»

Машина с Сапрыкиным поджидала их у подъезда.

Всю дорогу Наталия не произнесла ни слова.

Полина была ее одноклассницей, «лихоманкой», как звали ее в школе. Сорви-голова, она постоянно была инициатором всех школьных терроров, начиная с массовых побегов с уроков (особенно по весне, по молодой зеленой травке) и кончая диверсией с крысами и воронами... Но это все в детстве. В двадцать лет она уехала из С., своего родного города, в Москву и стала проституткой. Накопила денег, вернулась домой и купила престарелой матери приличную квартиру, снова уехала и вот, наконец вернулась, месяц назад...

Высокая, огненно-рыжая, некрасивая, но какая-то необычная, оригинальная, яркая, с черными глазами и большим, с всегда густо накрашенными оранжевой помадой губами, ртом, Полина привлекала к себе мужчин своей естественностью, природным умом, позволяющим ей вести себя так, как хочется мужчине, и любвеобилием. Ей нравилось ее ремесло, поэтому сделав счастливым мужчину (хотя бы на некоторое время), она внушала себе, что счастлива сама, и это избавляло ее от хронической нравственной неудовлетворенности, присущей женщинам, по уровню развития и интеллекту превышающим обычных шлюх, но вынужденных таким вот образом зарабатывать деньги.

Когда Полина впервые пришла в дом, где вот уже более двух лет с Наталией жил Логинов, шок испытали все, в одинаковой степени: Наталия – от неожиданности и радости, поскольку всегда симпатизировала Полине, Полина – по той же причине, а Логинова поразили дивные горящие на свету длинные волосы Наташиной подруги. Хотя в тот же вечер, когда подруги, навекретничавшись на кухне, все же расстались, Игорь, услышав, как за Полиной закрылась дверь, сказал:

– Она проститутка?

Наталия молча мыла чашки и с каждым мгновением становилась все краснее и краснее. Ей было стыдно, только непонятно за кого... Она знала о Полине достаточно, чтобы назвать ее проституткой, но ведь это была Полина, Полина, ее одноклассница, с которой они провели столько чудесных лет вместе... Но как объяснить это прозорливому Логинову, который людей видит насквозь. Людей, но только, кстати, не Наталию, с которой вот уже сколько времени живет под одной крышей. Живет и ничего о ней не знает. Ни о ее бизнесе, ни о чем...

Она обманула его, сказав, что Полина живет в Москве и собирается выйти замуж за одного бизнесмена. Наполовину обманула, потому что Полина время от времени действительно живет в Москве, а замуж она собирается выйти за человека, с которым познакомилась здесь, в С., но в котором ПОКА не уверена. Да и непонятно, чем он занимается, хотя вполне вероятно, что и бизнесом.

Ее последний приезд домой был связан со смертью ее матери, которую она похоронила три недели назад. Грустила несколько дней, а потом – во всяком случае чисто внешне – обрела душевный покой. «Ты как ящерица, – сказала ей Наталия на поминках, на девятый день после похорон, – регенирируешься по схеме: раз и готово. Говорят же, что нервная система не восстанавливается...» «Если бы она у меня не восстанавливалась, я бы не сидела сейчас перед тобой, а лежала бы под кустом сирени на Воскресенском кладбище лет уже двадцать как...»

Некрасивость ее лицу придавали широкие скулы, неправильной формы нос и слегка выдающийся подбородок. Но глаза и волосы – были ее драгоценностями, которыми она очень дорожила и которым прекрасно знала цену.

И вот теперь, возможно, ее уже нет. Логинов молчит, не хочет расстраивать, поэтому можно вот так, сидя в машине, предполагать самое худшее... Но ведь если бы она, или кто-то, очень похожий на нее и проживающий на Мичурина, 6, еще жив, то навряд ли Игорь сам поехал на место преступления...

И вдруг в голову пришла мысль совершенно противоположного характера: а что, если Полина сама что-нибудь натворила?.. Убила, скажем, кого-то?..

Разыгравшаяся фантазия Наталии помогла представить ей, как она в сумрачном тюремном коридоре стоит в очереди, чтобы вручить передачку с сигаретами «Bond» и ореховым печеньем – любимым лакомством подруги – несчастной узнице-Полине...

Она очнулась, когда увидела уже знакомый ей старый четырехэтажный дом немецкой постройки из красного кирпича и высокими узкими окнами, где жила Полина. Здесь, несмотря на ранний час, толпился народ, стояла машина скорой помощи, милицкий фургон и мотоцикл... Некоторые из зевак смотрели куда-то вверх, задрав головы. Наталия вышла вслед за Логиновым из машины и тоже посмотрела почему-то вверх: стадное чувство, очевидно, дало о себе знать... И ничего не увидела.

Она прошла сквозь толпу за Игорем, стараясь не прислушиваться к голосам, желая все увидеть сама и услышать из первых рук...

В нескольких метрах от дома на дороге лежали два тела, прикрытые картонными листами. Логинов опустился возле тела мужчины, поднял картонку и, взглянув на труп, сказал как бы про себя: «Выстрел в упор...» Когда же он открыл другой труп, Наталия почувствовала, как волосы на ее голове предательски шевелятся и дурнота обволакивает, как теплый вязкий кокон...

Да, это была Полина. Она лежала в короткой кружевной сорочке, полуголая в луже крови. Голова ее была разбита, и под ней образовалась лужа крови, которая уже потемнела и успела подернуться тонкой тусклой пленкой... Кровь, которая лилась из рта, носа и ушей Полины, тоже успела подсохнуть и образовала тоненькие почти черные ручейки, стекающие под затылок; рыжие волосы, как лучи солнца отходили от головы в разные стороны...

– Она упала с крыши... Но перед этим успела его застрелить, – донеслось до слуха Наталии и она подумала о том, что если бы дом был, к примеру, двухэтажный, то Полина осталась бы жива...

Тот мужчина, в которого она выстрелила из маленького пистолета, который показывала Наталие в их первую же встречу, и был тем самым женихом, за которого она собиралась выйти замуж. Но не вышла. Да и он теперь никогда не женится. Ему не до этого... «Что это я?..»

– Игорь, мне можно подняться к ней? Обещаю тебе, что буду вести себя хорошо и ни к чему не притронусь... Разреши, – Наталия крепко держала Логинова за рукав и смотрела на него умоляюще. – Если ты сейчас мне ничего не скажешь, – шептала она ему уже со злостью, я влезу в окно с дерева...

Ты меня знаешь...

Логинов, слегка повернув голову в ее сторону, бросил:

– Сапрыкин, отведи ее, куда она просит, а то она последует примеру своей ЛУЧШЕЙ подруги и убьет меня моим же собственным пистолетом...

Сапрыкин, который всегда был ее палочкой-выручалочкой, взял Наталию за руку и повел за собой, расчищая себе дорогу широкими плечами и острыми локтями, обошел дом и привел в подъезд:

– Это что, твоя подруга?

– Да.

Они быстрыми шагами поднимались по гулкой лестнице, вдыхая прохладный и какой-то земляной воздух.

Дверь в квартиру Полины была незаперта: там уже трудились эксперты. Наталия знала их в лицо. Она завидовала им, как никому на свете. Это они имели право снимать отпечатки пальцев и ИСКАТЬ... Сколько раз, оказавшись в подобных ситуациях, она хотела попросить их разрешения помочь им...

Но она не имела права. Она была всего лишь скромной (нет, это неправда, далеко не скромной) учительницей музыки и никакого отношения к прокуратуре и расследованиям не имела (еще как имела!) ... Она помогала Логинову только ей известным способом. И назвать

его дилетанским она уже не могла. Теперь не могла. Просто не имела права, потому что чувствовала: тот дар, которым она овладела, практически, в совершенстве, имеет право на существование. То есть наряду с дилетанским подходом и профессиональным, теперь существовал и еще один, интуитивно-образный, о котором знало всего несколько человек в городе. Те видения, которые посещали Наталию во время ее музицирования на пианино, помогли раскрыть не одно преступление. И даже не столько те, которыми занимался прокурор города, Логинов Игорь Валентинович (который поначалу, кстати, довольно скептически относился к деятельности своей подруги в расследовании преступлений и даже подсмеивался над ней, и только спустя некоторое время сам вынужден был прибегнуть к ее помощи), сколько тайные преступления, замешанные на деньгах и частной жизни клиентов, которые обращались к Наталии как к последней инстанции... Клиентов поставляла (в основном) приятельница Наталии, Сара Кауфман, директор косметического салона «Кристина».

Несмотря на свою сумбурную и беспорядочную жизнь, Полина умудрялась превратить свое жилье в образчик порядка и уюта. Поэтому ее квартира, в которой последние годы в основном жила ее мать, блестела, начиная от начищенного паркета и кончая хромированными кранами в ванной. Она знала толк в хороших вещах, а потому окружала себя ими с завидным постоянством. Энергичная, схватывающая все на лету, Полина оборудовала свое жилище новейшей бытовой техникой, оснастила все, что только было возможно, и за несколько дней до смерти сказала Наталии, что «пора в корне менять жизнь и рожать.» А нее была «любовь». И эта ЛЮБОВЬ лежала теперь с простреленной грудью на асфальте, прикрытая картонкой...

Наталия с Сапрыкиным бродили по большой квартире Полины, пытаясь найти хотя бы что-нибудь, что помогло бы понять суть происшедшего.

– Где нашли мужчину? – спросила она у одного из экспертов. Он ответил, что все самое важное в плане улики они нашли на крыше, где «возлюбленные» устроили нечто наподобие праздничного ужина с цветами и шампанским. «Там, на крыше его и нашли.»

– Поднимемся? – Наталия увлекая за собой Сапрыкина, вышла из квартиры и стала подниматься по лестнице вверх.

То, что они увидели, являло собой картину самой настоящей оргии: прямо на крыше был расстелен огромный, теперь уже залитый жиром и соусом, розовый ковер, на котором стоял столик с закусками и выпивкой и два стула. Рядом, здесь же на ковре, были раскиданы маленькие шелковые подушки. Но это не было романтическим ужином на двоих, слишком уж экстравагантными должны были быть отношения между возлюбленными, если они превратили стол в нечто совершенно непотребное: размазанная по скатерти горчица, гора птичьих костей на треснутом фарфоровом блюде, на котором разве что не ходили ногами, раздавленная земляника, опрокинутые тарелки с вылившимся соусом...

«Они либо дрались, либо предавались самым низменным утехам...» – подумала Наталия, а вслух сказала:

– Мне кажется, что я знаю, что здесь произошло... Вот, пройдем сюда, – она приблизилась к самому краю крыши и взглянула с ужасом вниз. – Они повздорили, Полина взрывная девица, он ей, очевидно, что-то сказал, не иначе, а она вот так бурно отреагировала... Достала из сумочки пистолет (сумочку можешь не искать, ее наверняка уже запаковали в пакет и отправили на экспертизу) ... – она замолкла и извиняюще посмотрела на Сапрыкина, который своим молчанием сам спровоцировал ее на такие комментарии: она же говорила с ним, как с маленьким мальчиком! – Слово за слово, возможно, она узнала о его связи с другой женщиной... Причем, узнала неожиданно, иначе не помогала бы устраивать этот ужин... Он сильно разочаровал ее, можно сказать, убил морально... Вот она и взялась за пистолет, направила на него, а он, уверенный в том, что она ни за что в него не выстрелит, стал к ней приближаться и загнал ее, таким образом, к самому барьеру... А она возьми и выстрели... Ударная волна сделала свое черное дело, Полина не устояла на ногах (ведь к тому же она была еще и пьяна), оступи-

лась и сорвалась вниз... Ужасно! – она зажмурилась, представив, какой силы удар пришелся на голову несчастной Полины.

Через мгновение взяв себя в руки, она заметила про себя: «У Полины словно два лица: одна Полина – аккуратистка, которая мечтает поскорее расстаться со своим прошлым и создать семью, нарожать детей, а вторая Полина – настоящая профессиональная проститутка, порочная изнутри, вся насквозь пропитанная цинизмом...»

Но вспомнив огромные глаза подруги, ее заразительный смех, она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы: она не могла поверить в ее смерть. Не могла и не хотела.

Стараясь не попадаться на глаза Логинову, который, увидев ее, непременно отправил бы с кем-нибудь на машине домой, Наталия, поблагодарив Сергея Сапрыкина, друга и помощника Логинова, за все, что он для нее сделал в это утро, выскользнула из толпы и почти сбежала по небольшой улочке к набережной. Осмотрелась, вышла на пустую в этот ранний час дорогу и остановила такси.

– Домой, – сказала она и встретила удивленный взгляд. – Извините... – и назвала адрес. А минутой спустя, вспомнив лежащую в луже крови Полину, разрыдалась.

Глава 2

ОЛЕЧКА ПЕРОВА

Логинов любил поесть, а это накладывало на жизнь Наталии, которая сама выбрала его в свои бой-френды, постоянную ответственность за его желудок. Она постоянно что-то готовила, варила, жарила и пекла. Правда, он как мог постарался ей облегчить жизнь в этом плане, купив необходимые электроприборы, при помощи которых Наталия научилась все делать достаточно быстро. Но даже с ними ей приходилось все время думать о еде. Словом, она попала в зависимость и теперь не знала, куда ей от нее деться. Было бы непонятно ее раздражение по этому поводу, если бы она нигде не работала и целыми днями смотрела телевизор и ела пирожные. Она действительно нигде не работала, уволилась из своей музыкальной школы по причине низкого заработка, но прочно заняла другую профессиональную нишу: вела частные расследования, за что получала такие деньги, которые позволили ей несколько раз съездить за границу, причем на два месяца. Она побывала в Латинской Америке и Европе, путешествовала в свое удовольствие но, что самое удивительное, скрyla этот свой фантастический вояж от Логинова, сказав ему, что гостила у родственников в деревне. Это была самая чудовищная ложь, какую она позволила себе по отношению к нему.

Но после путешествия ее мировоззрение настолько изменилось, что ей все сложнее и сложнее стало понимать этого патологического альтруиста, каким был Логинов. Его полное равнодушие к деньгам, к этому источнику свободы и наслаждений, убивало в ней то чувство глубокого уважения, которое заставляло раньше смотреть на него снизу вверх и «открыв рот» слушать каждое его слово. Но исчезнув, оно не грозило послужить причиной их разрыва, напротив, Наталия как бы расслабилась и стала воспринимать своего друга просто как мужчину, с одной стороны, и человека, способного помочь ей в трудную минуту, с другой. Кроме того, они постоянно вели какие-то параллельные расследования, что очень сближало их. И все же так дальше продолжаться не могло: в смысле ведения домашнего хозяйства. Попадались весьма сложные и запутанные дела, которые требовали постоянного отсутствия Наталии дома. Но Логинов существовал, его надо было кормить, а для этого надо было, естественно, готовить. Готовить, значит, тратить драгоценное время. И тогда Наталия решилась на эксперимент и взяла на испытательный срок Соню, двадцатилетнюю смазливую девицу, которая потрясающе готовила. Она познакомилась с ней на вечеринке, устроенной Арнольдом Манджияном, другом и коллегой по работе Логинова, куда была приглашена и Соня, но только не в качестве гостыи, а повара. Без образования, она тем не менее готовила просто изумительно, но это, однако, не сыграло роль в оболыщении Арнольда, на что она очень надеялась. Соня получила свои деньги и исчезла.

Но ненадолго, потому что узнала от общих знакомых о

том, что ее разыскивают в связи с работой. А разыскивала ее как раз Наталия. Она сама пришла к Соне домой и объяснила, что от нее потребуется в случае, если она согласится на них работать. «Чтобы в доме всегда было много вкусной еды, во-первых, чтобы велся журнал по элементарной кухонной бухгалтерии, во-вторых, и чтобы вести себя так, словно тебя в доме нет.» За все это ей обещали хорошо платить. Соня, которая маялась без работы уже полгода, с радостью согласилась. Тем более, что она имела право питаться в доме и иногда, если потребуется, ночевать. Для этого имелась небольшая темная спальня позади прихожей.

Логинов поначалу ничего не замечал, воспринимая присутствие Сони в доме, как очередную «клиентку» Наталии или просто блажь. Он уже привык, что в этой квартире постоянно кто-то от кого-то прячется. Если бы он приходил домой засветло, то увидел бы Соню стоящую

у плиты, но так, как он возвращался очень поздно, то заставлял ее либо уже спящую на диване в гостиной или же не видел ее вообще, поскольку она спала в «маленькой» комнате.

Он ужинал вдвоем с Наталией, уверенный в том, что все салаты и закуски приготовлены ее руками, и весьма удивился бы, узнав, что это не так и что в доме, практически, живет еще один человек.

Соня открыла ей дверь и сказала, что обед готов, а она сама собирается пробежаться по магазинам и навестить свою тетю, которая живет на окраине города. Она говорила быстро, немного картавя, и между делом подкрашивала ресницы перед зеркалом. И только когда подняла голову увидела покрасневшие глаза Наталии, замерла, опустив руки:

– Что с вами?

– Ты же Полину знала... Полину, такую ражую, громкую и веселую?.. Которая была у нас несколько раз... одноклассница...

– Конечно. Такую трудно забыть или не обратить на нее внимания. Огонь, а не женщина. – Соня вопросительно подняла брови и провела несколько раз расческой по волосам. – А что случилось? Ее бросил мужчина?

И Наталия подумала, что очевидно для Сони, как и для многих других женщин – именно этот факт считался бы самым большим несчастьем, которое только может обрушиться на голову.

– Нет, она погибла...

– Погибла? В катастрофе?

– Да нет, она упала с крыши... – и она в двух словах рассказала ей о трагедии, разыгравшейся на улице Мичурина.

Впечатлительная Соня, забыв о своих планах и визите к тете, села, обняв плечи и задумалась. Вспомнила Полину и то впечатление, которое та произвела на нее своим внешним видом: высокая, гибкая до гуттаперчивости, она ходила пружиня по полу босыми стройными ногами и любила смотреться в зеркало... На ее шикарные рыжие волосы Соня подумала, что это парик, но потом, приглядевшись повнимательнее, восхитилась, увидев, что они настоящие и, причем, некрашенные.

– Он ей что-то сказал, – вдруг сказала она, представив себе, ЧТО могло произойти на крыше. – Уверена, что он ей что-то сказал, чего она не вынесла, разозлилась ужасно. Скорее всего речь идет об измене. Ничто не может так разозлить, как измена.

Наталия промолчала, потому что Соня почти прочла ее мысли.

– Ты, кажется, куда-то собиралась? – она очнулась от своих невеселых мыслей и как могла улыбнулась Соне. – Иди. Что у нас сегодня на обед?

– Блинчики, как вы заказывали, и суп. А еще кое-что, я придумала сама... К чаю.

– Сегодня я наверняка скажу Игорю Валентиновичу, КТО здесь у нас все готовит... А то он ведь так и думает, что это я... А я просто бездельничаю...

Соня, которая тоже пришла в себя после такого ужасного известия, уже стояла одетая на пороге и собиралась попрощаться, как вдруг вспомнила:

– Ой, чуть не забыла... Вам звонила Сара. Она просила передать, что сегодня после обеда к вам должен зайти какой-то Перов. А в восемь часов вечера – женщина по имени Анна Петровна. Я записала все в блокнот, как вы и велели, он возле телефона, на столике... ну, я пойду?

Она ушла, а Наталия села на кухне и стала вспоминать Полину и все то, о чем они разговаривали с ней в последнее время. Она закрыла глаза, откинулась на спинку стула и словно увидела Полину, живую и пахнущую розовым маслом, которое так любила...

« – ... Я знаю, тебе интересно узнать, как я живу там, в Москве... Это всем интересно узнать, но я пока промолчу... Если ты думаешь, что мне стыдно, то это не так. Далеко не так. Я уже не та девушка, которая продается за двадцать немецких марок в ресторане и обслуживает

клиента прямо в кабинке, не обращая внимание на официанта и присутствующих женщин... У меня своя клиентура... Да и вообще, я скоро, возможно, уеду насовсем...

– Куда? В Москву?

– Да нет, ИЗ МОСКВЫ...»

Они говорили на кухне. Была ночь, Логинов уже спал, а Соня принимала ванну. Наталия так и не поняла тогда эту фразу: «... из Москвы...» Но куда? За границу? Она что, собиралась замуж за иностранца? Хотела повторить маршрут знаменитой «интердевочки»? А почему, собственно, и нет? А что, если ей повезет и она будет счастлива там, в другом мире?

И еще она пожаловалась на здоровье, сказала, что «все врачи идиоты, им только людей доверять...»

Что касается жениха, то она говорила о нем мало, словно боялась расплескать счастье, которое переполняло ее при мысли о том, что она скоро выйдет замуж. Стоп. Но если она собиралась выйти замуж за... как его там звали? Гуров? Да, Полина почему-то не называла его по имени. Гуров и все.

Так вот, если она собиралась выйти замуж за Гурова, тогда откуда же это таинственное «... ИЗ МОСКВЫ?» С кем она намеревалась покинуть страну? Может, с Гуровым?

Она открыла блокнот и записала: «Гуров – узнать ВСЕ!!!»

И в этом ей поможет Логинов, Сапрыкин и Арнольд. Они все должны помочь ей узнать о нем все... Если уже не узнали.

Дальше. Что же дальше?

В дверь позвонили. Наталия вспомнила про Сару и поняла, что наконец-то явился клиент, впервые за последний месяц. Клиент – это новая работа и новые деньги. А деньги, это предполагаемая поездка в Тунис. Или проще, в Бухару. Хотелось экзотики, жары, пряностей и фруктов. «Только без Логинова... Только без него...»

Она открыла дверь и увидела перед собой высокого человека в очках.

– Я, наверно, к вам... Вам Сара звонила?

– Проходите, пожалуйста. – она впустила мужчину в прихожую, мгновенно отметив его испуганный взгляд, так хорошо знакомый ей, свидетельствующий о чрезвычайном волнении. И как бы в подтверждение этому он сказал, снимая зачем-то очки и близоруко щуря глаза: – Вы – моя последняя надежда.

– Значит, говорите, что ваша дочь исчезла около пяти дней тому назад?

– Да, она ушла из дома 10 июня в семь часов вечера, и больше мы ее не видели. У нее была встреча с каким-то молодым человеком, его зовут, кажется, Сергеем...

– А вы не знаете, где они должны были с ней встретиться?

– Нет. Я мало что знаю о ее привычках, Оля очень замкнутый человек, скрытный...

– Она что, и матери своей ничего не рассказывает?

– Раньше, когда еще училась в школе, рассказывала. Они вообще были подругами, а потом... потом у нас с женой

– Она и сейчас живет с ТЕМ мужчиной?

– Нет-нет, она возвратилась буквально через неделю, у нас с ней был серьезный разговор...

– ... и вы простили ее, ведь так? – Наталия смотрела на этого симпатичного тихого человека, и ей было нестерпимо жаль его: вот бы ей такого терпеливого и понимающего мужа. А вслух сказала: – А ваша дочь – нет. Я угадала?

– Да, вы совершенно правы. Поверьте, я не настраивал Олю против Татьяны, это не в моих правилах, она сама все решила... Она словно вычеркнула ее из НАШЕЙ жизни. Она мне прямо

так и сказала. Представьте, она утром, проходя мимо матери, даже не смотрела в ее сторону. И завтракала только после того, как Таня уходила на работу. Но если вы хотите спросить меня, не связано ли ее исчезновение с ее отношением к матери, то я могу вас уверить: нет, нет и еще раз нет. Она не такой человек, чтобы уйти из дома и даже не позвонить...

– Она любит вас...

– Да, наверное...

– А почему вы не обращались в милицию?

– Разве я похож на отца, который не обращается в милицию, когда у него пропала любимая и единственная дочь?

– Нет, извините, вы не похожи на такого отца... А что вам сказала обо мне Сара?

– Все, – он опустил голову. – Мы с ней старые друзья. Еще по университету. Она хорошо знала Олю, хотя Оля никогда не ходила в «Крестину», считала, что ей еще рано...

– Сколько лет Оле?

– Девятнадцать. Она закончила второй курс биофака.

– У вас есть ее фотография?

– Да-да, конечно...

У Перова было вытянутое бледное лицо с водянистыми голубыми глазами, редкие волосы и большие красные уши. «Электронщик, умница, несчастный человек.» Представляясь, он сказал ей, что работает в физической лаборатории. Наталия уже слышала об этой лаборатории и даже читала в газетах: недавно они получили большой заказ от финнов. Может, исчезновение девочки связано с работой ее отца?

– Мне нужны все ваши координаты, телефоны, адреса и прочее... И все, что касается вашей жены. Кстати, она знает, что вы сейчас здесь? Что вы рискнули обратиться к такому узкому специалисту, как я?

– Да... – он несколько замялся и покраснел, – понимаете, моя жена не верит в такого рода вещи... Она реалистка и надеется только на милицию.

– А вы – нет?

– Я? Я уже не надеюсь увидеть ее в живых и приготовился к самому худшему. Поймите, я знаю свою дочь... Если ее нет, значит, она НЕ МОГЛА вернуться домой. ФИЗИЧЕСКИ. Иначе я бы знал, где ее искать. Даже если бы она встретила мужчину и, предположим, уехала с ним, пусть даже и на край света, она бы позвонила мне оттуда и сказала, чтобы я не волновался... Поэтому теперь, когда я переполнен страшными предчувствиями, мне необходимо будет увидеть того, кто убил мою девочку...

– Но почему?... Откуда такая уверенность?!.. – попробовала возмутиться Наталия, но встретила ТАКОЙ взгляд Перова, что опустила голову: она поняла, что он действительно приготовился к самому худшему и что теперь жаждет мести... Интуиция – это высший пилотаж нематериальной сущности.

– Хорошо, я сделаю все, что смогу... Я сама позвоню вам...

Он ждал ее у подъезда. Знал, что она появится примерно около семи. Потому что в восемь начинается последний сеанс фильма «Зеленый театр». Эта ненормальная ходила на этот фильм уже в течение трех дней, всегда в одно и то же время. Вместе с долговязым типом в клетчатой рубашке.

Он видел, чем они занимаются в кинотеатре на последнем ряду, и его тошнило от их приторной нежности, этих поглаживаний коленей, от мокрых поцелуев, звуки которых доносились до него.

Ему нужно было, чтобы она хотя бы на какое-то время осталась одна. На улице или, еще лучше, в кинотеатре. Там, как раз перед зрительным залом, есть такой закуток, завешанный красной бархатной портьерой, где они могли бы уединиться.

Как сделать так, чтобы девушка (а он прекрасно знал, что ее звали Ольга Перова) села к нему в машину?

Когда она вышла, он стоял возле подъезда.

– Мне нужно с вами поговорить, – он подошел к ней и посмотрел прямо в глаза. Он знал, что красив и должен понравиться Ольге. – Я слежу за вами.

– За мной? – она была удивлена и слегка напугана. Но с другой стороны, она была женщиной, а потому почувствовала всем нутром, что рядом с ней находится мужчина, который мог бы сделать ее счастливой. Это заложено в каждой женщине. Все женщины – охотницы. Даже замужние смотрят по сторонам в поисках потенциального спутника жизни. Очередного спутника жизни. Женщина – она как планета, которая может сорваться в один прекрасный день со своей оси и умчаться, раствориться в пустоте... И чтобы этого не случилось ей необходим спутник. Пусть даже и на одну ночь.

Он презирал женщин.

– Вы уже три раза были на «Зеленом театре». Я заметил вас... Вам так нравится Веселовский (он имел в виду режиссера-постановщика фильма; эту фамилию он запомнил совершенно случайно, когда ему пришлось просидеть весь сеанс, наблюдая за этой сексуально озабоченной парочкой)?

– Да нет... Не то, чтобы очень... – она казалась растерянной, однако, стояла рядом и делала вид, что никуда не торопится.

– Я понимаю, это прозвучит по-идиотски... Но вы мне очень понравились. Давайте с вами встретимся... Хотя бы завтра. Черт с ним, с этим режиссером... Вы, наверно, уже догадались, что это был просто предлог... Ну так как?

Он видел, как она заколебалась, как пламя свечи на ветру. Глупая курица. Хотя и хорошенькая.

– Я спешу, – сказала она неожиданно, вспомнив очевидно горячие и влажные ладони своего ухажера, который, истекая плотоядной слюной, уже ждал ее где-нибудь неподалеку, чтобы увлечь за собой в кинотеатр и потискать в темноте. Ублюдок.

– Если хотите я вас подвезу, но только с условием, что вы сами назначите место встречи и время... Не отказывайте мне... Я вас очень прошу...

Она оглянулась, словно хотела увидеть кого-нибудь, у кого можно было посоветоваться на этот счет: сесть в машину к незнакомому мужчине или нет? Ей льстило то, что он подошел к ней, к закомплексованной угрястой девочке в дорогом новом костюме с короткой юбкой, которая никого в своей жизни, кроме такого же неопытного и изголодавшегося по ласке парня, еще не знала. Да и его знала только по губам и рукам, не больше...

Она подняла голову и встретилась взглядом с темными большими глазами.

– А если увезете куда-нибудь? – неуверенно и как-то по-детски сказала она, чувствуя, что ноги сами понесли ее к машине.

Она не помнила как садилась в машину. В ушах у нее гудело от нахлынувших чувств. Она никогда в жизни не сидела рядом с таким красивым молодым парнем, да еще в такой шикарной машине.

Он лихо развернулся, и машина стремительно выехала со двора.

Глава 3

МОРОЗОВСКИЕ ЗОМБИ. ДОМ ПОД СНОС И РОЗОВОЕ МАСЛО ДЛЯ ПОЛИНЫ

Наталия решила еще раз побывать на квартире Полины. Но уже без свидетелей. Кроме того, у нее из головы не шла та сцена, которую она увидела на крыше. «Глупо, конечно, – считала она, – но ведь должен же кто-то убрать следы этого пиршества... Этот заляпанный ковер, остатки посуды...» Она не могла себе представить, кто бы мог всем этим заняться: ведь Полина осталась совершенно одна. Кроме своей матери (ныне покойной) и Наталии она последнее время ни с кем не общалась...

Поэтому перекусив, она поехала на Мичурина.

Главное, что у нее был ключ. Она взяла его со столика в прихожей: привычка, выработавшаяся за последние два года, когда ей приходилось по несколько раз бывать на месте преступлений. Разве возможно что-либо расследовать, когда у тебя нет на руках ни одной улики и когда ты начисто лишен доступа к информации. А как часто случается такое, что эксперты, проработавшие на месте преступления несколько часов, оставляют, тем не менее, массу вещей, потенциальных улик, на которые не обращают внимания или же попросту недооценивают их значимость. Вот на такие случаи и приходится рассчитывать, откровенно воруя ключи или, по возможности, делая – рискуя быть застигнутой врасплох – их слепки.

Когда она поднялась на крышу, то была очень удивлена, не увидев ни единой крошки. Словно она перепутала крышу или же ей вообще все это приснилось.

И только когда она открыла дверь квартиры (разумеется опечатанной, но очень смешно, при помощи бумажной ленты, слегка смазанной клеем, которую ничего не стоило переклеить, когда ей понадобится уже покинуть квартиру), то поняла, что кто-то очень заботливый перенес и ковер и посуду в дом. «Сапрыкин,» – почему-то сразу на него подумала она. Потому что больше некому. Логинову было как всегда некогда, а Сергей, зная о том, что Полина была подругой Наталии, просто не мог все это так оставить. «При случае обязательно спрошу и, если это действительно он, поблагодарю...»

Квартира выглядела так, словно ничего не произошло. Только полы не очень чистые, да пепел где попало от сигарет. А вещи все на месте. И кажется, что вот сейчас откроется дверь ванной и оттуда выйдет Полина и скажет: «Привет, я уж думала, что ты не придешь...»

Наталия заперла за собой дверь, вошла в комнату и села в кресло, пытаясь представить себе все то, что произошло здесь вчера вечером. Скорее всего, птицу – курицу или утку – запекала сама Полина.

Наталия зашла на кухню и открыла духовку: на нее сразу пахнуло запахом горелого жира и чеснока. Значит, она угадала. Фрукты принес ее жених. Он же и выносил из квартиры ковер, расстилал его, устанавливал журнальный столик – «вот он, стоит тоже в прихожей рядом с двумя складными дачными стульями» – помогал носить посуду и закуски. Они мирно беседовали, предвкушая праздник...

А что, если пришел кто-то третий?

Эта мысль явилась только что и сразу сняла тень подозрения с любовника Полины. «С Гурова, – вспомнила она его фамилию.

– С Гурова...»

Пока она о нем ничего не узнает, они будут топтаться на месте.

Она стала искать сумочку Полины, в которой всегда можно было найти много чего интересного. Начиная с косметики и кончая пистолетом. Почти как у Наталии.

Но сумочки, конечно же, не было. Ее наверняка изъяли и увезли в прокуратуру. А жаль...

Тогда Наталия принялась выдвигать ящики письменного стола, перебирала какие-то бумаги, как ей сначала показалось, ее матери: свидетельство о смерти, ненужные уже справки, квитанции... Чувствуя себя в этой квартире не совсем спокойной, она сложила их в папку и положила в свою сумку: «Пригодятся».

В ванне на полочке нашла мазь, не крем, а именно медицинскую мазь «Флоретин». Зачем она понадобилась Полине? Ведь навряд ли она оказалась в ванной случайно. А что, если ею пользовался Гуров?

Вкладыш у мази отсутствовал, значит, надо было проконсультироваться у знакомых врачей, что это за мазь и в каких случаях применяется.

Открыв большой шифоньер, Наталия удивилась такому количеству костюмов и платьев Полины. Она предполагала, конечно, что у женщины, ведущей ТАКОЙ образ жизни, должно быть много нарядов. Но зачем она их привезла сюда, если не собиралась жить здесь долго?

Как-то все непонятно. Скорее всего, она блефовала со своим возвращением в Москву или путешествием «из Москвы». Это были ее мечты.

Наталия увидела висевшее на плечиках красивейшее вечернее платье цвета спелого апельсина, в блестках, и хотела уже достать и приложить к себе, как вовремя одумалась: «Ведь

Полина мертва, она лежит в морге на ледяном столе, а ты собираешься примерять ее платье... Это почти мародерство...» Но уже через мгновение она думала не так: «Нет, это никакое не мародерство. Это нормальное поведение подруги, пытающейся примерять на себя не столько платье близкого тебе человека, сколько ЕГО ЖИЗНЬ.» И это было на самом деле: надев, к примеру, это платье, она скорее всего представила бы себя на каком-нибудь приеме или в номере московской дорогой гостиницы для иностранцев, где находила Полина своих клиентов.

Но когда она открыла правую створку шифоньера, то увидела нечто, поразившее ее воображение куда больше, чем оранжевое платье: великолепный ярко-красный парчовый жакет, расшитый стразами и сверкающий при электрическом свете, как драгоценность.

Она достала его и надела, Сунула руки в карманы и нащупала в одном из них листок. Это оказался телефонный счет. Московский. Это был подарок для Наталии, которая к своему большому сожалению не знала московский адрес Полины. А на компьютерной распечатке была щедро изложена вся информация о Полине: адрес, номера телефонов – и ее московской квартиры и той квартиры, где сейчас находилась Наталия. Значит, это оплаченные разговоры Полины с матерью.

Она сняла жакет и убрала его на место. Квитанцию бережно положила к себе в сумочку.

В ванной, в синем махровом халате, в кармане она нашла записку: «Гуров, ты свинья, больше не опаздывай. Я в магазине. Целую, твоя Польша.»

Наталия вышла из квартиры сама не своя. Ей показалось, что она прожила целый час Полиной. Словно надела на себя ее кожу и приобрела на это короткое время и ее мозги, и тело, и даже все запахи.

Надо было возвращаться домой, чтобы в спокойной обстановке обзвонить всех, кого возможно, на предмет установления личности Гурова. Знать фамилию – этого мало. Кто он такой, чем занимался, где и с кем жил? Кто был по профессии и прочее...

Пожалуй, это был первый жаркий день в этом июне.

Сиреневый опель Наталии напоминал плавающий на солнце кусок черносмординного мороженого.

«Пора покупать кондиционер», – подумала она, усаживаясь в душный салон и заводя мотор. И даже несмотря на жару и духоту, она просто обожала свою машину и пользовалась ей с удовольствием. Больше того, иногда, как это бывает почти со всеми опытными водителями, ей казалось, что она и ее машина – единый организм. И это ощущение спасало ее не раз во время рискованных погонь, когда от того, сумеешь ли ты вовремя свернуть в узкую улочку или объехать другую машину, зависела жизнь. В прямом смысле.

Наталия холила и лелеяла свою машину, но никогда не занималась ее ремонтом, предпочитая отдавать в надежные руки профессионалов, с которыми дружила и всегда с ними щедро расплачивалась. Но одной машины ей явно не хватало: что делать, если ее придется все же когда-нибудь отдать в профилактический ремонт? Красный форд ей все чаще и чаще приходил в голову и постепенно вытеснил все остальные марки, перед которыми она восхищалась. Но если покупать машину, значит, и гараж, а эти две покупки могут, наконец, разбудить спящего сном полного неведения Логинова.

Задумавшись, она доехала до своего дома и сразу же заметила стоящую неподалеку «волгу» Логинова. «Обедать приехал», – подумала она, и уже через несколько минут звонила в свою дверь.

Логинов встретил ее улыбкой: видно было, что он уже пообедал.

– Слушай, когда ты все успеваешь? – он обнял ее и прижал к себе. – Это было что-то необыкновенное. Особенно блинчики и что-то сладкое с орехами...

– Я могу тебе все объяснить... – Наталия уже собралась ему рассказать о Соне, но Логинов еще крепче обнял и у нее перехватило дыхание.

– Все потом. Ты сама-то обедала? Вы ведь женщины настоитесь у плиты и у вас пропадает аппетит...

– Да, я пообедала, – она вздохнула и поняла, что сейчас

Логинов приступит к своим «послеобеденным упражнениям»...

С каждым разом ей это нравилось все меньше и меньше. Было что-то такое в этих размеренных занятиях сексом, что придавало упорядоченность и стабильность (как ежедневное принятие пищи), но лишало романтизма и остроты. Но эти два качества она уже некоторое время с избытком находила в объятиях совершенно другого мужчины, которого, как ей казалось, тоже любила. «Что ж с того, что я люблю сразу двух мужчин?» – спрашивала она себя довольно часто, испытывая небольшие нравственные муки. И находила сразу тысячу оправданий себе на этот счет. Жизнь ее вообще сильно изменилась в последнее время, поэтому она, как и всякое другое живое существо, научилась меньше удивляться происходящим в ней переменам. Только одно ей иногда хотелось бы вернуть – частные уроки музыки, которые давали ей ощущение необъяснимой гармонии, несказанного тепла, когда она разучивала с маленькими детьми какую-нибудь фортепианную безделицу, и вносило резкий контраст в ее беспокойный образ жизни. Вспомнить хотя бы о тех делах, которые были связаны с серийными заказными убийствами и горами трупов... Как было бы хорошо после всего этого ада оказаться в уютном тихом кабинете наедине с каким-нибудь наивным шестилетним мальчуганом и разучивать с ним «Вислу» или «Как под горкой под горой»...

Но об этом приходилось лишь мечтать. Расследования отнимали много времени. Те видения, которые посещали Наталию в связи с этим, подчас еще больше усложняли ход дела, хотя уже очень скоро вели к поразительным результатам.

– Ты утолил свою страсть? – спросила она, дурачась, и выскользнула из постели. – Теперь утоли и мою...

– Не понял... – Логинов выглядел расслабленным, умиротворенным и немного растерянным. Он лежал поперек огромной кровати, подложив одну руку под голову и другой пытаясь привести в порядок растрепанные волосы. —

Что-нибудь не так?

– Да нет, – улыбнулась она ему, надевая через голову юбку, – ты меня не понял... Меня интересует Гуров.

– А я?

– Еще часа три-четыре ты меня не будешь интересовать, это факт. Я же нормальная женщина... А что касается Гурова, то, боюсь, он будет интересовать меня куда дольше. Хотя бы потому, что он мертв... – она поймала себя на том, что научилась спокойно воспринимать смерть и даже успела привыкнуть к ее постоянному присутствию рядом.

– Хорошо, так и быть, кое-что расскажу... Но это очень

мало. Во-первых, он не местный. Жил в гостинице «Москва» уже больше месяца. Приехал из Талды-Кургана... Так, во всяком случае, записано в регистрационном журнале, хотя, я думаю, его фамилия наверняка не Гуров и администратору он предъявлял скорее всего фальшивый паспорт. Потому что человека с такой фамилией и такой внешностью в Талды-Кургане никогда не было. Мы проверяли. Ей подозрения, что он москвич. Или же довольно часто там бывал. Это видно и по одежде, и по массе мелочей, которые свидетельствуют об этом...

– А чем он занимался у нас? Зачем приехал?

– Непонятно. Пока непонятно. Хотя его лицо кажется мне очень знакомым. Такое ощущение, как будто я видел его чуть ли не в администрации... Но это личные впечатления... Что же касается здоровья Гурова...

– Как, разве идет речь о его здоровье? Его что, оживили?

– Да нет, просто у него оказалась недавно зажившая рана очень странного происхождения... Похоже, что в него стреляли, но пуля лишь задела мышечную ткань...

– Понятно, самой пули не нашли, так? И поэтому не знаете, кто стрелял и когда...

– Правильно. По сути, мы вообще о нем ничего не знаем. И не смотри на меня, я уже знаю, что ты хочешь мне сказать...

– Ну и что же?

– Что нам придется подключать тебя. Вернее, не так: не придется. Ведь ты давно уже подключилась, так? Я видел твой сиреневый опель полтора часа тому назад в районе улицы Мичурина. Голову даю на отсечение, что ты только что оттуда...

– Откуда?

– От Полины.

– Да, это так. Но только я тебе пока ничего не скажу...

– Что, тоже ничего не нашла?

– Ничего, – соврала она. – Твои ребята там неплохо потрудились. Будем ждать результатов экспертизы... Надеюсь, что они вычислят еще одного человека. Я не верю, чтобы Гурова, своего жениха, за которого она собиралась выйти замуж, убила Полина... Она не такая дура, чтобы выйти замуж за первого встречного. Вполне вероятно, что на крыше был еще кто-нибудь, кто и убил Гурова, а потом вложил пистолет насильно в руку Полины, а потом и вовсе столкнул ее с крыши...

– Да, ты права, мы тоже отработываем такую же примерно версию. Ты же видела, какой беспорядок был на крыше, влюбленные, на моя взгляд, должны вести себя как-то иначе...

– Не знаю, не уверена... Понимаешь, Логинов, если бы я, к примеру, узнала, что ты мне изменяешь или что – к примеру, как это могло случиться с Полиной – ты собрался на мне жениться, а в последнюю минуту раздумал и решил мне объявить об этом в романтической обстановке на крыше... Клянусь, я бы устроила из этого праздничного ужина еще и не такое...

Только я бы не оступилась, а скорее нашла бы в себе силы

сбросить тебя самого с крыши... Вот так-то вот...

– Надо же... Я и не знал, что ты такая темпераментная...

Смотри-ка, глаза блестят, щеки покраснелись... Какая ты заводная, оказывается...

– Я – нормальная. Прошу это учесть.

– Какие у тебя красивые чулки? Только непонятно, зачем ты их носишь летом?

Наталия вспыхнула: не станет же она объяснять ему, что у нее сегодня встреча с Валентином, который купил ей на прошлой неделе целую коллекцию чулок и они даже составили нечто, наподобие расписания, когда и в какой день надевать те или иные чулки. «Синие чулки ты наденешь в понедельник, черные – во вторник, а серые – в среду...»

– Все нормальные женщины носят в июне тонкие чулки... Это красиво, просто ты, Логинов, далек от этого... – она подумала немного и добавила, – да и от другого тоже...

Он хотел уточнить, что она имеет в виду, но в это время позвонили в дверь: пришел Сапрыкин. Логинов оделся в два счета и пулей вылетел из квартиры.

– Постараюсь пораньше, – успел бросить он на прощание. Наталия снисходительно подставила ему щеку для поцелуя. «Можешь не спешить, – подумала она. – Я все равно вернусь не раньше десяти.»

– Я буду ждать, – сказала вслух и почувствовала себя предательницей.

Но минут через пять это чувство прошло. Ей надо было работать: искать Ольгу Перову. Выяснить, откуда у Гурова пулевое ранение. А для этого ей нужно было сосредоточиться и уединиться в кабинете со своими мыслями.

Она так и сделала. Зайдя в кабинет, где стоял небольшой рояль, она села за него и взяла несколько аккордов, как бы настраиваясь... Затем пробежалась пальцами по клавиатуре и услышала случайно взятый ею мотив из арии Нормы...

Закрыла глаза и принялась развивать эту мелодию, вдохновенно и неспеша...

Она увидела просторный полутемный зал, в котором собралась небольшая горстка людей неопределенного возраста. В основном, пенсионеры. Они по-очереди выходили к трибуне и что-то говорили... Звучание было пространственным, гулким, как это бывает во сне... Невозможно было различить ни единого слова. Но зато хорошо просматривались некоторые лица, в основном, рассерженные, недовольные; некоторые из присутствующих так и просто что-то выкрикивали со своих мест...

Наталия услышала характерный запах старого дерева, так, очевидно, пахли потрескавшиеся от времени стулья и сцена. Внезапно до ее слуха донеслось все же несколько отчетливых фраз: «Они захватили весь мир... Куда ни сунься – одни евреи...» и «Они поделили между собой все страны и сферы влияния... Вон, есть у них их историческая родина, вот пусть туда и убираются...»

Все сразу встало на свои места. Наталии уже приходилось бывать на подобных собраниях в ожидании зала для репетиций. И если на первый взгляд эти маленькие собрания представлялись ей совершенно безвредными сходками старых маразматиков, где каждый из присутствующих имел возможность высказать свое мнение, покричать, поиграть в фюрера или поупражняться в риторике, то теперь она была уверена в том, что эти люди являют собой по-настоящему опасную, объединенную жесткими принципами, группировку, способную повлиять на общественное мнение. Но главное заключалось в том, что эти люди все больше и больше стали походить на зомби, настолько они были одержимы своей идеей вернуть старый общественный строй. Фанатизм всегда в сознании людей граничил с анархией и грозился выплеснуться во что-то грандиозное и непоправимое. Ярые оппозиционеры нынешнему строю, они уверенно прокладывали дорогу на президентское кресло своему лидеру, Морозову, человеку явно неординарному и обладающему большой силой воздействия. Мастер убеждать, он сбил с толку немало людей по всей России, пытаясь отвлечь их от настоящей политики и настраивая их на глубокое и пропитанное нафталином ПЕТРО.

Сторонники Морозова, «морозовцы» или, как их еще называли «партия социалистов» разрасталась. Об этом писали в газетах, в ироничной форме упоминалось в информационных выпусках центрального российского телевидения. И это было правдой.

Но было правдой и то, что Морозов – далеко не тот человек, за которого себя выдает. И что, якобы, существуют доказательства его связи с западными влиятельными политическими лидерами, деятельность которых направлена на разрушение политической структуры России с целью захвата власти в свои руки, чтобы в дальнейшем превратить Россию в колонию. И об этом писали. Народу было сложно переварить столь густую и жирную на факты информацию, поэтому он попросту пил...

Наталия бросила играть. Ей было неприятно это видение. Мерзкие одутловатые рожи полуспившихся пенсионеров и молодящихся напудренных женщин, претендующих на бессмертие, вызывали тошноту и чувство гадливости. Зачем ходить на эти собрания и, брызгая слюной, обливать грязью и поносить ни в чем не повинных умных и крепко стоящих друг за друга евреев, вместо того, чтобы проводить свою старость в кругу семьи, с кошкой на коленях или вязанием в руках?... Или вообще на даче среди яблонь и флоксов?

У Наталии на счет старости были свои представления: она в корне не воспринимала это ярое желание участвовать в политической жизни страны с такими злыми лицами. Всею свое время.

Но видение было, а потому имелась пища для размышлений. Кроме того, надо было определить, к какому делу именно оно относилось: к трагической смерти Полины или к исчезновению Олечки Перовой?

Чтобы это выяснить, Наталия вновь, закрыв глаза, принялась наигрывать рождающуюся прямо из-под пальцев мелодию, которая постепенно обрастая изменчивыми и переливающимися разными оттенками пентатоники интонациями, превратилась, наконец, в неглупую джазовую композицию...

Она затылком почувствовала холод, затем ледяное дуновение ветра покрыло мурашками спину и плечи; стало невыносимо холодно, запахло плесенью, керосином и чем-то старым и несвежим, как пахнет в нежилых, загаженных домах, которые подлежат сносу... А вот и сам дом – вид со стороны, приблизительно в двадцати шагах от него – четырехэтажный, с выбитыми стеклами и покосившимися рамами; про этот дом тоже писали в местных газетах, что он является аварийным, и что когда поползла одна из стен, жильцов срочно выселили... Крупный план: оконная рама, за которой что-то темное и это «что-то» шевелится и постанывает. Но непохоже на человеческий голос. ЧТО ЭТО?

Она бросила играть и вышла из кабинета. Такие разные сцены, разные настроения и совершенно непонятно, к чему они относятся. Но, что касается дома, она помимо газет уже тоже о нем где-то слышала. Но где? И почему память молчит и не подсказывает?

Ассоциативный ряд выдал ей на-гора какую-то кухонную утварь, гастрономический натюрморт в духе Снейдерса и силуэт хрупкой девушки в коричневом платье.

Коричневое платье было только у одной ее знакомой. И почему она запомнила его, так только потому, что по фасону оно сильно напоминало Наталии школьную форму. Разве что из шелка, а не из шерсти. И это коричневое платье с плиссированной юбкой и лифом с отсрочкой и рядом пуговиц кофейного цвета носила Соня.

«А где у нас Соня?» А Соня, оказывается, ушла к своей тете, которую она давно не видела. А что это за тетя?

И она вспомнила. Тетя Сони, ее звали, кажется, Тамарой, как раз и жила в том самом доме, который должен был вот-вот рухнуть. Ну конечно, это Соня рассказывала об этом, отсюда и гастрономические ассоциации: разговор происходил, помнится, на кухне, когда Соня только что вернулась с рынка, откуда принесла зелень и свежую рыбу (вот вам и Снейдерс!) ... И еще Соня говорила о том, что тете дали квартиру почти в центре города, правда, без балкона, «но это ерунда». Так сказала Соня.

И вот теперь Наталия УВИДЕЛА этот дом. Но к чему отнести это видение? Может, Соня в опасности? А как же быть с Полиной и Перовой?

В любом случае необходимо было действовать.

Она набрала номер Сары:

– Привет, это я. Если я не ошибаюсь, в твоём салоне работает доктор Фиалковский... Мне бы не хотелось обращаться сама знаешь, к кому, поэтому спроси у своего друга все про флоретин. Это мазь, я нашла ее на полочке в ванной Полины... Помнишь, мы с ней приходили как-то к тебе в солярий...

– У нее еще такие роскошные рыжие волосы?

– Все правильно, Сара. Так вот, Полины больше нет... Если хочешь, подъезжай ко мне в течение часа, расскажешь про мазь, а я – про Полину...

– И я про Полину... – сказала тихим голосом Сара и повесила трубку.

А уже через сорок минут она входила в квартиру, распространяя благоухание тысяч роз.

– Ты нарочно подушилась розовым маслом? – спросила Наталия, обнимая подругу. – Почему?

– Потому что Полина в свой последний приход купила у меня десять ампул. Она позвонила и сказала, что уезжает и что ей очень хочется иметь некоторый запас розового масла... Вот я и продала ей все, что у меня было.

Сара была в черном. Вечно молодая, с движениями кошки и взглядом хищницы, красивая и все еще соблазнительная, она прекрасно знала себе цену и, быть может, поэтому последний год сторонилась мужчин вообще. «Не могу найти себе подходящего партнера», – жаловалась она Наталии при встрече каждый раз.

Ее тщательно накрашенное лицо с алыми губами и глазами, изменчивыми как александрит, напоминало Наталии маску: настолько неестественна была ее красота. И только волосы, живые и блестящие, темно-каштанового цвета, уложенные в крупные кольца, напроочь отменяли всяческие подозрения относительно парика – они были ее гордостью.

– Ты что-нибудь хочешь?

– Минеральной воды, желательнее без газа... – Сара села в кресло и достала из сумочки еще одну ампулу с розовым маслом. – Как же погибла твоя подруга?

– Она упала с крыши, где ужинала со своим приятелем... вернее даже женихом по фамилии Гуров. Его нашли с простреленной грудью на крыше. Предполагают, что его убила Полина, потому что на пистолете следы ее пальцев... Все выглядит так, словно она выстрелила на него на крыше в тот момент, когда оба находились на самом ее краю... Ее отбросило выстрелом назад, она оступилась и сорвалась... Ужасная смерть...

– Не расстраивайся, она умерла, не долетев до земли...

– Откуда ты знаешь?

– Ниоткуда. Просто чувствую.

– А что это за ампула?

– У меня нашлась еще одна и я хотела ее отдать ей... Она очень понравилась мне. Сильная и волевая женщина, которая знает, что хочет от жизни. Но я не позавидовала бы ее жизни...

– Ты что-нибудь знаешь о ней?

– Мне кое-кто рассказал, чем она занимается в Москве...

– И кто же этот «кое-кто»? – разозлилась Наталия. Она терпеть не могла сплетен.

– Не нервничай. Просто они работали на пару. Ты ее не знаешь. Она была у меня всего один раз и как раз тогда, когда вы с Полиной не жили в солярии. Она просто удивилась, увидев ее здесь, поскольку сама оказалась в нашем городе случайно – сопровождала своего клиента и еле вырвалась из гостиницы, чтобы привести себя в божеский вид. Ведь мужчины, по большей части, скоты. Это надо признать.

– Я не поняла, кто с кем работал в паре?

– Она с Полиной. В Метрополе, в Москве.

- Понятно. Но зачем ей было говорить об этом с тобой?
- Разве ты не знаешь, что людям нравится со мной разговаривать? Я УМЕЮ СЛУШАТЬ, а это тоже дар.
- Кажется, по телефону ты сказала мне, что можешь что-то рассказать про Полину... Что именно?
- Я видела ее с молодым мужчиной. Он был божественно красив. Ты знаешь, как я стала относиться к мужчинам, но ЭТОТ просто сказка. Породистый, царских кровей...
- А что он делал в твоём салоне?
- Ничего. Ровным счетом ничего, просто приехал за Полиной и увез ее... Я, если честно, подумала тогда, что красивые мужчины почему-то предпочитают некрасивых женщин. Это что, закон?
- Пожалуй, этому можно найти элементарное объяснение: они видят мир через призму собственного эго. То есть, судят по себе; если ты, скажем, красив и изменяешь своей жене или любовнице благодаря своей внешности, неотразимости, то, значит, и красивая жена будет пользоваться бешеным успехом у мужчин и, естественно, будет тебе изменять. Поэтому ради спокойствия они выбирают дурнушек...
- ты хочешь сказать, что Полина была дурнушкой?!
- Нет, конечно... Она была уродиной, но потрясающей уродиной, шикарной... Но ее, как ни странно, не портили широко поставленные глаза и большой, как у лягушки, рот...
- Прекрати! Я не могу тебя слушать... Ты, наверно, забыла, что эта самая Полина лежит сейчас в морге... – Наталия схватила за сигарету: она всегда взрывалась, когда чувствовала, что планка саринского цинизма превосходит допустимый уровень. А этот самый уровень она чувствовала инстинктивно, до боли в сердце.
- Прости. Но я просто стараюсь быть объективной.
- Неправда, ты позавидовала Полине в тот вечер, когда увидела его в обществе этого роскошного, как ты говоришь «породистого», мужика. А ведь она действительно в то время переживала свои самые счастливые минуты. Она собиралась за него замуж...
- Но почему-то убила... Значит, было за что.
- Я тоже так думаю... Не иначе, как он ей что-то сказал... Или, но это уже из категории абсурда, на крышу поднялся кто-то третий... Ну да чего гадать... Надо действовать... Ты мне лучше расскажи про мазь...
- Флоретин, как сказал Фиалковский, мазь, способствующая заживлению ран.
- Огнестрельных? – сорвалось с языка Наталии.
- Просто ран. Я не специалист. Ты просила, я узнала и приехала к тебе, чтобы это сказать. Но мазь очень дорогая, ей пользуются в основном в военных госпиталях, правильно, для скорейшего заживления огнестрельных и резанных ран, и после операций...
- «Военные госпиталя... Огнестрельные раны... Значит, Гуров смазывал этой мазью свою рану... Ну и что дальше?..»

Глава 4

НОЧНОЙ ЗВОНОК С БАХМЕТЬЕВСКОЙ

Главное – вовремя вернуться домой. До мужа.

Вера стояла в парке возле условленной скамейки и старалась незаметно поглядывать по сторонам. Мысли ее в голове спутались, как нити разных клубков, и в конечном итоге завязались в тугой узел противоречий. Если бы ей неделю тому назад кто-нибудь сказал о том, что к ней подойдет этот мужчина, она бы горько усмехнулась: и возраст не тот, и внешность, да и прикид. Но он подошел, оценил ее редкую красоту («русскую красоту», как говорил ее муж), ее длинную русую косу, ладную женственную фигуру и новое итальянское шелковое платье. Подошел и сказал такое, от чего она моментально покраснела и чуть было не закрыла лицо руками. Муж не говорил ей такие вещи никогда в жизни, он был еще более закомплексованным, чем она. Особенно в таких вещах...

А ведь ей уже тридцать пять и возраст берет свое. Вернее, не может взять свое в силу определенных обстоятельств. ВО-первых, однокомнатная квартира, в которой кроме супружеской кровати стоят две детские, во-вторых, муж, которого ничего, кроме его научных разработок в области сортов твердой пшеницы не интересует...

Мужчину звали Михаил. Он подошел к ней остановке, недалеко от ее дома, и долго смотрел на нее, пока она не спросила его, что ему от нее надо. Но она спросила мягко, с естественным для этой ситуации недоумением в голосе и даже улыбнулась при этом, в то время, как у мужчины взгляд был очень жесткий и властный. Это был взгляд НАСТОЯЩЕГО мужчины. И он покорила Веру в самое сердце, которое сильно заколотилось, кровь прилила к щекам и забурилась по всему телу, смутно вызывая желание. Как давно она не испытывала ничего подобного...

Она даже не могла вспомнить, о чем они говорили. Ни о чем. Затем подъехал ее автобус, они расстались, но он успел назначить встречу. И вот теперь она стояла у скамейки под старой липой и смотрела, как большая стрелка ее позолоченных часиков приближается к двенадцати: скоро будет семь. Что они будут делать, когда встретятся? Куда пойдут? О чем будут говорить?

Она надела свое выходное платье из черного шелка с белыми пуговицами и нитку жемчуга – единственное свое сокровище, доставшееся ей еще от бабушки. Сделала прическу в парикмахерской, потратив отложенные на покупку сахара деньги, одолжила у приятельницы черные лаковые туфли на шпильке и пошла на свидание. Какое слово... «свидание»...

Он пришел вовремя и первое, что сказал, было: «Я на машине.» И тут она испугалась. Она уже представила себе, как они поедут куда-нибудь за город, как рассказывали ей подруги, и он грубо овладеет ей либо прямо в машине, либо на траве, задрав подол... А, может, это как раз и то, что ей нужно?..

А дома, по возвращению, она быстро зайдет в ванную, там приведет себя в порядок и почистит платье от травы и листьев...

Она так четко себе это представила, что у нее дух захватило.

В машине он говорил ей что-то о погоде, о том, что весна в этом году была ранняя, что на рынке очень дорогая клубника, но что через неделю она упадет в цене вдвое... Вера Жабинковская, учительница литературы, вспомнила почему-то «Митину любовь» Бунина, Аленку и ей стало жарко...

Они катались по городу, затем вырвались куда-то в поля, снова говорили ни о чем, наконец, остановились у небольшого дубового лесочка, Михаил достал фляжку и сказал:

– Ну что, Вера, давай немного расслабимся... Это разведенный спирт... Я знаю, что ты немного боишься меня, но это только сначала страшно, а потом-то пойдет все как по маслу... Ты же, чую, соскучилась по мужской ласке... Пей, сразу станет легко и хорошо...

И она выпила. И действительно стало хорошо. Легко. Голова закружилась, и она стремительно полетела в жуткую черную пропасть, гулкую и зыбкую, как теплое сладкое желе...

Она пришла в себя только один раз и дико закричала от боли... Последнее, что она увидела, это стену с ободранными желтыми обоями и вбитым в нее ржавым гвоздем...

После ухода Сары Наталия стала ждать некую Анну Петровну, тоже клиентку Сары, у которой было к ней дело, но какое, Сара и сама не знала, хотя и предполагала, что речь идет о муже.

И она угадала.

– Я буду говорить прямо, хорошо? – Анна Петровна, анемичная светловолосая женщина в зеленом брючном костюме, убедившись, что кроме них двоих в квартире никого нет, вздохнула и как-то уж очень обреченно прошла за Наталией в гостинную. – Может, на кухню?

– Давайте лучше здесь... Что у вас случилось?

– Мне муж изменяет. С молодой девицей. Неприятно, знаете ли... Она красивая, я ничего не скажу, но ведь она, по сути, крадет его у меня. И его тело, и время и деньги, наконец... Я же тоже не уродина и могла бы иметь любовников, мне предлагали, но я не такая. И не потому что ханжа, а просто трусиха. Мне кажется, что я даже раздеться не смогу при чужом мужчине. Это ничего, что я с вами так откровенна?

– Говорите-говорите... Все это крайне важно.

– Да, кстати, о ваших ставках я в курсе, деньги у меня с собой. Тысяча долларов, правильно? Я даже менять не стала. Вот, – она достала сумочку, но Наталия сделала протестующий жест рукой:

– Да подождите вы, я же еще ничего не поняла... Что вы хотите? Вы же сами все знаете, так чем же я могу вам помочь?

– Найдите моего Даника.

– Кого?

– Мужа, Дениса, но я зову его Даней... Он уехал три дня тому назад с НЕЙ на природу – их видели вместе на машине наши знакомые – и до сих пор не вернулся. Я схожу с ума, начинаю потихоньку пить. Мне не жалко никаких денег...

– А куда, предположительно, они уехали... В какую сторону?

– Знаете, где под Латынино старая мельница, там еще знаменитый источник... Там построили что-то вроде санатория, вот там их и видели...

– А вы не хотели поехать туда?

– Мне нельзя... Видите ли, вы не смотрите, что я такая невзрачная, тихая и бледная... Просто я устала его ненавидеть, но когда я увижу их вместе, то просто застрелю как ворон и все. Я себя знаю.

– А он, зная вас, не боится?

– Боится. Но он оставил мне записку, в которой объясняет, что влюблен и что уходит от меня... Он ЧЕСТНЫЙ, видите ли... А мне его честность такая не нужна. Лучше бы он врал, изменял мне, но только чтобы я об этом ничего не знала...

– И вас бы это устроило?

– Вполне. Ведь я так прожила с ним больше двадцати лет...

– Так все же: что вы хотите от меня?

– Чтобы вы нашли его, УВИДЕЛИ, как вы это умеете делать и сказали мне жив он или нет... – и она расплакалась, некрасиво и навзрыд.

Наталия ровным счетом ничего не поняла.

– Извините, я сейчас принесу воды... Успокойтесь,

пожалуйста и попытайтесь мне объяснить все по порядку... Итак, ваш муж в Латынино, так? Так. Он уехал туда предположительно со своей любовницей. Поехали дальше... Вы что, не уверены, что он жив? Но почему?

– Потому что я посылала уже туда своих подруг, сначала Лерку, а потом Татьяну – они его не нашли. Машина стоит, а его нет... Они спрашивали у администратора, да, действительно, такие-то остановились в шестом номере, но там заперто, значит, они либо на лодке катаются, либо пошли погулять в лес... А я чувствую, что что-то здесь не так... Поэтому я хочу, чтобы вы **УВИДЕЛИ** его, живого или мертвого, а потом, разумеется, за отдельную плату, съездили бы к нему и передали вот это письмо... – И Анна Петровна достала из сумочки запечатанный конверт. – Я все изложила в стихотворной форме. Это о любви, но он поймет и... вернется... Здесь, кстати, специально для вас наши координаты, фамилия и прочая, необходимая информация...

– У вас есть дети?

– Вы попали в самую точку: нет. В том-то и дело, что нет...

Вот поэтому-то он, наверно, и сошелся с этой девицей... Но у меня еще могут быть дети, я же лечилась, просто он ничего не знает...

– Хорошо. Я постараюсь все узнать. А вам надо успокоиться и, знаете, мне бы хотелось дать вам совет... Но не уверена, что имею на это права...

– Говорите, чего уж там...

– Да просто я никогда не понимала женщин, которые бы так убивались из-за мужчин... Неужели невозможно найти какое-нибудь противоядие против вашей любви, тем более, что она односторонняя... Я не феминистка ярая, вы только не подумайте, но это же так глупо... Извините, я, кажется, сказала что-то не то...

– Нет, отчего же, все ТО. Но мне очень трудно, поверьте, смириться с мыслью, что он **БРОСИЛ МЕНЯ**. Я же не вещь какая...

– Извините... Я не должна была вмешиваться...

Пришел Логинов. И Наталия вспомнила, что забыла совершенно про свидание с Валентином. Закружилась совсем... Она взглянула на часы – девять ровно.

Увидев Игоря, Анна Петровна быстро поздоровалась и почти выбежала из квартиры. Они договорились, что Наталия сама позвонит ей, как станет что-либо известно.

– Это кто? – спросил Логинов, устало усаживаясь в кухне на табурет и закрыв глаза. – Подружка?

– Почти. Приятельница Сары.

– Сары... Ты прямо не можешь без нее... Кстати, а где еще одна твоя подружка, Соня которая?..

– Не знаю, я и сама уже волнуюсь за нее. Уехала в обед к родственнице и до сих пор не вернулась... Не знаю, что и думать... Если бы она решила остаться там ночевать, то непременно позвонила бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.